Текст · 20 апреля 2022, 12:55
Джошуа Яффа,

«Война от России приближается ко мне уже второй раз». Российское вторжение и украинское сопротивление в большом репортаже New Yorker о первых неделях войны

Репортажи из переживших осаду или оккупацию городов — яркие и ценные документальные свидетельствами о войне, как для истории, так и для современников. Российский читатель из-за культурного, языкового и цензурного барьера лишен доступа ко многим таким свидетельствам. «Медиазона» считает, что исчезновение барьеров — в интересах российского общества.

С разрешения журнала *New Yorker* мы начинаем переводить на русский серию больших репортажей корреспондента Джошуа Яффа из Украины. Первый из материалов вышел на английском языке 12 марта, когда российская армия еще надеялась взять под контроль северные районы страны.

В ближайшие дни мы опубликуем переводы следующих репортажей Яффа — из села Новый Быков, которое в новостных сводках почти не упоминалось, и из Чернигова, который стал жертвой масштабных бомбежек и разрушений.

Неизвестный пациент №1, мальчик семи лет, поступил в киевскую детскую больницу «Охматдит»-

[1] на второй день российского вторжения в Украину.

Он был в машине со своими родителями и двумя сестрами, когда они попали под обстрел. Кругом взрывались снаряды, осколки били стекло, разрывали металл, а затем и человеческую плоть. Его родители и сестра погибли на месте, вторую сестру увезли в другую больницу. Когда скорая привезла мальчика, он был без сознания и потерял много крови; врачи экстренно прооперировали его и подключили к аппарату искусственной вентиляции легких. Только через пару дней удалось найти его бабушку — выяснилось, что мальчика зовут Семен.

С начала «специальной военной операции», как выражается Владимир Путин, людям в Киеве спится скверно, но хирург Роман Жежера, один из врачей, лечивших Семена, выглядит по-настоящему истощенным. Когда мы впервые встретились, он сидел в полном изможднении на стуле в больничном коридоре с трехдневной щетиной на лице. Он провел меня вверх по лестнице и дальше, в палату к Семену. Из-под голубого одеяла виднелась маленькая голова. Лицо закрывали бинты и трубки. Пищала и гудела аппаратура. Я спросил, в каком он состоянии. Жежера сказал, что все плохо — осколки прошли сквозь шею, сбоку. Мальчик на системе искусственного жизнеобеспечения, признаков мозговой активности почти нет. «Как врач я понимаю, что произошло с этим ребенком, — говорит Жежера. — Но я не понимаю, что творится вокруг нас, здесь и в других частях страны. Происходит что-то безумное и ужасное».

В углу палаты работал телевизор, транслируя новости из Беларуси, где правительственные

делегации из Украины и России вели в тот день тщетные переговоры. Начальная позиция Кремля повторяла цели, провозглашенные Путиным в первый день войны: Украина должна не только признать Крым российским, а донецкие и луганские территории — независимыми государствами, но и объявить о своем нейтралитете и демилитаризации — в формулировках столь туманных, что они ставили под угрозу суверенитет страны. Члены украинской делегации, в свою очередь, добивались немедленного прекращения российской агрессии. После очередного раунда переговоров Михаил Подоляк, советник президента Владимира Зеленского, написал в твиттере: «Российская сторона, к сожалению, все еще крайне необъективно смотрит на запущенные ею разрушительные процессы».

Складывалась невыносимая патовая ситуация. Ввязавшись в войну в надежде на быстрый триумф и не получив его, но получив разрушительные последствия для российской экономики, Путин оказался в положении, когда нужно выдумать хоть что-то похожее на победу. Зеленский же, понимая, что украинская армия сдерживает российское наступление гораздо успешнее, чем предполагало большинство специалистов, а страна охвачена общим порывом единения, не готов был уступать агрессору. Украина стала независимым государством в 1991 году после распада Советского Союза, но какой бы разобщенной не была ее политическая сфера до войны, подавляющее большинство украинцев в итоге не проявило особого желания снова оказаться под властью Москвы. Все свелось к тому, что эту войну переживет только одно: либо президентский пост Путина, либо украинская государственность.

Шли затяжные бои, и отделения «Охматдита» заполнялись детьми, которые пострадали при артиллерийских и ракетных ударах. Проходя по коридору больницы, я заглянул через стеклянную дверь в палату, где лежал 13-летний мальчик: его лицо было все в порезах и гематомах от разрыва снаряда со шрапнелью. Он тоже попал под обстрел, когда ехал с семьей в машине. Его шестилетний двоюродный брат погиб, а раненая мать теперь лежала на соседней койке. Врачи рассказывают и про другого мальчика: он погиб в пригороде Киева, не дождавшись скорой помощи, которая застряла в пути из-за сильной перестрелки. «Я чувствую простую, обычную, очень человеческую ярость», — поделился Жежера.

Бомбоубежище в детской больнице «Охматдит» в Киеве, 19 марта 2022 года. Фото: Felipe Dana / AP

Ситуация с обычными пациентами в больнице становилась очень тяжелой. Сотням детей с серьезными заболеваниями была нужна срочная медицинская помощь, операции. Запасы дорогих и редких лекарств от рака истощались; самолеты не летали, логистические цепочки были разорваны, доставка стволовых клеток для пересадки костного мозга оказалась невозможной. Из-за постоянной угрозы ракетных ударов и авианалетов большинство детей перевели в подвалы под больницей. В одном из них я увидел десятки матрасов, разложенных прямо на полу. Было сыро и промозгло. Потолок протекал. Матери укачивали плачущих детей или просто тихо лежали рядом с ними. В кастрюлях на маленьких плитках грели еду. Одному из младенцев нужно было установить шунт для отведения лишней спинномозговой жидкости. Шестимесячная девочка с мамой ждали в «Охматдите» операции, которая нужна для нормальной работы лимфатической системы. «Все уже было готово, и тут началась война», — рассказала женщина.

Два дня спустя, когда российских военных сдерживали на подступах к Киеву, я вернулся в «Охматдит». Снаружи стоял автобус, у которого собрались врачи; они махали руками и плакали. Заведующая отделением химиотерапии Наталья Кубаля, которая работает в больнице уже 30 лет, объяснила, что автобус увозит детей и их семьи на

лечение в Польшу. «Это ужасная трагедия, — считает она. — Мы наконец-то вышли на тот уровень, когда можем полноценно лечить этих детей в Украине, но теперь у нас нет другого выхода, кроме как отправить их за границу, а вместе с ними — и весь смысл моей жизни».

Рядом с ней — 44-летний Алексей Синицкий, который провожал своего сына, больного лейкемией. Синицкий раньше работал в компании, которая занималась производством сельхозоборудования, а после начала войны решил остаться в Киеве и вступить в местное подразделение территориальной обороны — добровольческих отрядов сопротивления, в которые за последние недели вступили тысячи людей по всей стране. «Когда дети уедут, всем будет проще, — думает он. — В конце концов, кому-то ведь надо остаться. Если здесь никого не будет, россияне просто займут город, и на этом все закончится».

Жежеру я встретил у входа в больницу. Казалось, работа подпитывала его энергией, но глаза у него были остекленевшие. Его жена и двое детей по ночам укрывались в бомбоубежище под больницей. Восьмилетняя дочь спросила у него, что означает новое слово, которое слышится отовсюду: «Папа, а кто такие оккупанты?». «Это те, кто пытается силой захватить территории, которые им не принадлежат, в нашем случае — россияне», — ответил врач.

Я спросил у Жежеры, как дела у раненого Семена. Он ответил, что накануне мальчик скончался.

* * *

Если исходить из путинской версии истории, военное вторжение должно было только укрепить нерушимую общность Украины и России. Вместо этого оно разорвало обе страны на части.

В феврале — как оказалось, перед самым началом войны, — я поехал в Счастье, небольшой городок с населением в 11 тысяч человек, расположенный на реке Северский Донец. Еще с советских времен это был город-спутник Луганска, промышленного центра с населением в 400 тысяч человек, расположенного в 25 километрах южнее. По пятницам вереницы машин тянулись по сельским дорогам из Луганска на север — украинцы семьями ехали отдыхать в сосновом лесу и устраивать пикники на берегу реки.

В 2014 году, когда Россия присоединила Крым и поддержала пророссийские отряды, Луганск и большинство прилегающих к нему территорий попали под контроль сепаратистски настроенных групп. Счастье был под их контролем меньше трех месяцев, а потом городок отбили украинские военные. Друзья и родные оказались разделены «линией соприкосновения», по которой прошла новая фактическая граница Украины. В Счастье впервые пришлось открывать собственные стоматологии, салоны красоты и ветеринарные клиники. Между двумя городами появилась граница, но отношения между ними не были разорваны окончательно. Три года угольная электростанция Счастья снабжала электроэнергией Луганск под контролем противников Украины, а ее сотрудники зачастую ходили на работу под обстрелами тех, кто пользовался их электричеством.

За два дня до моего приезда Путин признал «независимость и суверенитет» двух самопровозглашенных республик — Луганской и Донецкой — хотя две трети региона, в том числе Счастье, оставались под контролем Украины. Отряды, поддерживаемые Россией, обстреливали город из установок «Град», которые выпускают одним залпом по 40 реактивных снарядов. Несколько раз удары «Градов» приходились по электростанции, и окрестности оказывались обесточены. Местным жителям снова пришлось прятаться в подвалах и бомбоубежищах и лишь изредка подниматься наверх, чтобы зарядить телефоны от уличных генераторов на солнечных батареях. Ракетные обстрелы также лишили город водоснабжения.

Как-то утром я шел к зданию городской администрации. Обстрелы на время прекратились, но виднелись клубы густого черного дыма, поднимавшегося от электростанции. На крыльце администрации я встретил широкоплечего мужчину — главу военно-гражданской администрации, то есть, по сути, мэра Счастья Александра Дунца. В 2014 году подполковник украинской армии Дунец с позывным «Паук» воевал в соседних станице Луганской и Дебальцево. «Я с русскими очень близко познакомился, глаза в глаза», — говорит он. Дунец родом из Хмельницкого, на западе Украины, а администрацию возглавил в 2020 году. «Я приехал в относительно мирный город, и у меня были довольно амбициозные планы, — рассказал он мне. — Мы хотели отстроиться и наладить жизнь в городе, чтобы, как бы банально это ни звучало, Счастье оправдывало свое название».

Теперь у него другие заботы: «Для начала неплохо бы просто выжить». Если бы не удалось восстановить подачу электроэнергии, пришлось бы эвакуировать всех жителей города, говорит Дунец. Владимир Тюрин, его заместитель, живет в Счастье, а его мать, тесть и брат — в Луганске. «Сейчас даже страшнее, чем в 2014-м. Тогда мы еще не знали, что такое война. Что, если летит снаряд, надо прятаться, а иначе — смерть», — говорит он. Теперь он понимает: «Они могут просто стереть город с лица земли».

Позже я зашел в гости к Галине Калининой — по словам моих друзей, одной из самых активных проукраински настроенных местных жительниц. Мы расположились в ее гостиной, залитой солнечным светом и уставленной цветами; три кошки прыгают

то на диван, то к нам на колени. Калинина перед этим в третий раз за день сходила к колодцу во дворе, а потом тащила пластиковые бутыли с водой на третий этаж по лестнице. Когда обстрелы возобновились, Калинина раздосадованно говорит: «О, опять они бабахают». Сказано это было так, будто ее достали соседи, которые слишком громко включают музыку.

Калинина переехала в Счастье в 1986 году, когда устроилась работать на электростанцию. Она вспоминает, каким очаровательным зеленым городом он был раньше, как вдоль центральных улиц цвели кусты роз. За десятилетия, прошедшие с развала Советского Союза, многие местные жители не утратили культурных связей с Россией — или, по крайней мере, настороженно относились к сменяющим друг друга властям в Киеве. Когда в Донбассе началась война, многие окрестные города подтвердили верность Украине — а вот в Счастье нашлось довольно много людей, которые готовы были приветствовать «русский мир». Этот пропагандистский конструкт Кремля подразумевает собирание земель, объединение русскоязычных людей, которые оказались по разные стороны границ после распада советской империи. Калинина думает, что все объясняется проще: «У людей была эйфория по поводу молодых лет. Они думали, что придет Россия с этакой машиной времени — и даст им возможность жить, как раньше».

Когда забрезжила перспектива новой войны, Калинина стала готовиться к худшему. «В 2014-м нам повезло, — сказала она мне. — Город быстро отбили без особого шума». Но в последние дни стало очевидно, что Путин готов превратить конфликт в

нечто гораздо большее и повысить ставки для всех сторон. «Если они захватят Счастье, нам его долго не вернуть, — рассуждает Калинина. — Не вернуть, пока жив Путин». Как только «царь», как она его в шутку называет, установит власть над Счастьем[2], «они всех построят».

В Северодонецке, расположенном в 60 километрах к северо-западу, я поговорил с Сергеем Гайдаем, председателем Луганской областной госадминистрации. Гайдай, как и многие другие чиновники по всей Украине, перед лицом российских попыток обезглавить украинскую власть — а если не выйдет, то зачистить всю страну, — следует примеру Зеленского и открыто демонстрирует свою непокорность. «Путин попробовал все возможные способы на нас надавить, но это не сработало, — говорит он. — Так что теперь он просто хочет разорвать Украину на куски».

Пострадавшие люди в бомбоубежище химического завода «Азот» в Северодонецке, 16 апреля 2022 года. Фото: Marko Djurica / Reuters

Формально Гайдай работает не только для жителей на территории области, которую контролирует Украина, но и для тех, кто живет в районах под контролем сепаратистов. Он говорит, что собственной жизнью «полностью опровергает российскую пропаганду».

В детстве он жил в Северодонецке и говорил по-русски, потом переехал на запад Украины, во

Львов. Он выучил украинский, потому что язык казался ему мелодичным и красивым. «Не было никогда агрессии по отношению к русскому языку», — говорит он. Пока мы беседовали, Гайдаю звонили из Киева, спрашивали про ситуацию в Счастье. «Они стреляют из "Градов", — ответил он. — Они сошли с ума».

Гайдай говорит, что понимание Путиным ситуации в Украине — в лучшем случае неполное и устаревшее. В 2014 году армия страны была неорганизованной и неподготовленной. Теперь же это опытная и умелая боевая сила, с внушительным арсеналом беспилотников и противотанковых ракет. «Мы прекрасно себе представляем, как устроена российская военная машина России, — сказал он. — Но для них это не будет легкой прогулкой. Да, война нанесет непоправимый ущерб Украине, но и России тоже».

* * *

[Ко второй половине февраля] вдоль границы с Украиной собралась группировка российских войск из 150 с лишним тысяч солдат, и я написал несколько статей, пытаясь разобраться в намерениях Путина. Большинство московских аналитиков и экспертов по внешней политике предсказывали долгое вялотекущее противостояние, во время которого Россия держала бы войска у границы, чтобы давить на Запад. Полномасштабное вторжение, считали они, было бы контрпродуктивным и безрассудным. Я отправился в Краматорск — средний по размерам город, где располагался

штаб украинского командования во время войны в Донбассе, — в поисках доказательств более вероятного, по мнению многих, сценария: российские войска заходят в сепаратистские анклавы и используют ответные действия украинской армии как повод развернуть более широкое наступление и, возможно, нанести удары в глубине страны.

Реальность оказалась куда ужаснее: в 5 утра 24 февраля, находясь в своем гостиничном номере в Краматорске, я услышал три взрыва, от которых зазвенели оконные стекла. Я побежал вниз, в подвал гостиницы, и стал читать новости. Российские бомбы и ракеты били не только по военному аэродрому Краматорска, но и по Харькову и Киеву, взрывы раздавались по всей стране. Российские танки потянулись в Украину из Беларуси и Крыма. Путин выступал по российскому телевидению, объявлял о начале «специальной военной операции», а ситуацию в Донбассе называл геноцидом. «Мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины», — говорил он.

Что вообще может значить «денацификация» в контексте страны, где президент еврейского происхождения победил на выборах с 73% голосов? Объяснения находились мрачные. В последние годы ближайшее окружение Путина состояло из небольшого числа единомышленников-силовиков, и ситуация лишь усугубилась во время пандемии, когда он стал самоизолироваться гораздо усерднее, чем прочие мировые лидеры. Он стал повторять мракобесные теории и как никогда уверился в неправомерности существования украинской нации. По его мнению, Украина — не страна с

собственной историей и правом на независимость, а искусственное объединение, слепленное большевиками из обломков Австро-Венгерской и Российской империй. Отсутствие нормальной государственности позволяло внешним силам раз за разом использовать Украину для ослабления России. Для Соединенных Штатов и их союзников «это так называемая политика сдерживания». «А для нашей страны — это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа», — заявил он.

Эвакуация мирных жителей из Краматорска, 24 февраля 2022 года. Фото: Vadim Ghirda / AP

Из Краматорска мы с фотографом и фиксером[3]-

, главой местной благотворительной организации, поехали на запад, в сторону Днепра, города с почти миллионным населением, а потом — дальше, в сторону Киева. Мы ехали вдоль берега Днепра, реки, которая делит страну на восточную и западную части. Их всегда считали очень разными в политическом и культурном отношении, но такая точка зрения не способствует пониманию ситуации, скорее наоборот. В 2019 году Зеленский, русскоязычный уроженец южного промышленного центра — города Кривой Рог, получил большинство голосов практически по всей стране, в том числе на западе. Соцопросы показывали, что большинство украинцев, в том числе половина жителей востока, поддерживают вступление Украины в Евросоюз.

Мы обгоняли автомобили с семьями и их пожитками, проезжали мимо колонн грохочущих танков и бронемашин, которые направлялись отражать российское нападение. Когда мы остановились заправиться на окраине Киева, я стал свидетелем сцены, очень ярко свидетельствующей о гражданском подъеме, охватившем страну с приходом войны. Работник заправки разводил очередь по колонкам. Подъехала машина с литовскими номерами. Некоторые украинцы оставляют зарубежную регистрацию автомобилей, чтобы не платить импортные пошлины. «Кто не платит налоги, тем бензин не наливаем, — закричал заправщик. — Когда будешь поддерживать нашу армию и наш народ, тогда и заправишься». Машина уехала восвояси.

По дороге было расставлено много блокпостов. На одних были украинские солдаты, на других — местные добровольцы, которые сооружали баррикады из бетонных блоков и покрышек. Но когда мы въезжали в Киев, в городе было тихо. Мы остановились на проспекте Лобановского, у жилого дома, в котором ракетный удар оставил дыру на три этажа.

Киев я полюбил давно за его дореволюционную архитектуру, жизнерадостных горожан, прекрасные рестораны, не говоря уж о техно-сцене, возможно, лучшей во всей Европе. Теперь лишь немногие выходили на улицу, а кто рисковал выйти после наступления комендантского часа, по умолчанию считались пророссийскими диверсантами или вредителями. «Мы на таких людей охотимся», — заявил Виталий Кличко, мэр Киева и бывший чемпион по боксу в тяжелом весе, когда

комментировал убийство шестерых диверсантов за одну ночь. Один мой украинский друг шутил, что у меня были бы проблемы, если бы меня остановили на блокпосту теробороны и потребовали пароль, который используют, чтобы выявлять вражеских агентов, — *паляниця,* разновидность белого хлеба. Это слово с легкостью произносят носители украинского языка, а вот у неподготовленных русских с этим могут возникнуть проблемы.

Поначалу российские войска попытались взять столицу небольшими мобильными отрядами, вероятно, рассчитывая сделать это за несколько дней. «Похоже, они планировали нанести внезапный удар, — говорит Андрей Загороднюк, бывший министр обороны Украины. — Они думали, что смогут ослабить украинскую армию авианалетами и артиллеристскими ударами, а потом провести спецоперацию по смене правительства».

Они столкнулись с мощным отпором. Российские десантники захватили аэропорт Гостомель неподалеку от Киева, но украинская контратака довольно быстро выбила их оттуда. Я сходил к надземному переходу рядом с Киевским зоопарком, где накануне ночью украинские солдаты дали бой российским военным. На улице стояла пара сгоревших боевых машин, а шлейф из металлических обломков и осколков стекла растянулся почти на километр. Дорога была усеяна кусками плоти.

Каждое утро начиналось с тревожного ожидания: сегодня город могут полностью окружить. 60-километровая колонна российских танков и бронемашин застряла к северу от города, скорее

всего, из-за недостатка топлива или сбоев логистики. («В их планы входило управиться за три-четыре дня», — говорит Загороднюк.) Но предчувствие осады нарастало. Появлялось все больше блокпостов. Жители города все чаще ночевали на станциях метро, которые превратились в импровизированные бомбоубежища, вмещающие по 15 тысяч человек. Было непросто найти работающую аптеку. Рестораны один за другим закрывались, лишь несколько супермаркетов продолжали работать, и в них выстраивались многочасовые очереди. Питался я в основном сыром, салями и яблоками.

Как-то раз, когда столкновения приблизились к центру города, я поехал на площадь Валерия Марченко на западе Киева — именно туда стягивались основные российские силы. Накануне ночью там была перестрелка. Посреди дороги торчал обгоревший кузов военного грузовика, рядом стоял расстрелянный армейский автобус со спущенными колесами. Под ногами хрустели гильзы и шрапнель. На все эти собралась посмотреть группа местных жителей. Я заговорил с женщиной, которая просила не упоминать ее настоящего имени, так что назовем ее Светланой. Она живет неподалеку со своей 12-летней дочерью. «Я разбудила ребенка, когда начались взрывы, — говорит Светлана, а дочь в пуховике и вязаной шапке стоит рядом. — У нее началась истерика, она начала плакать, испугалась. Мне не верилось».

Светлана объясняет, что ее бабушка с дедушкой переехали из российского Ростова-на-Дону на восток Украины. Я едва успел задать вопрос, как она относится к путинской версии славянского единства.

«Я этническая россиянка, я разговариваю на русском языке, я их не-на-ви-жу. Они мою жизнь разделили на до и после», — говорит она. Они с дочкой жили в Луганске до 2014 года, потом началась война, и они бежали в столицу. Четыре года спустя она купила квартиру — как она тогда думала, в безопасном и безмятежном районе на окраине Киева, где можно было начать новую жизнь. «Война от России приближается ко мне уже второй раз в жизни», — говорит Светлана.

В начале года киевские соседи спрашивали, каким она видит будущее, ведь один конфликт с Россией она уже пережила. Она считала, что Путин может пойти на обострение в Донбассе, но полномасштабное вторжение — это немыслимо: «Я говорила, такого не может быть. Они с ума не выжили. Но видите. Они с ума выжили просто».

И тем не менее Светлана планировала оставаться в Киеве — по крайней мере до тех пор, пока российские «Грады» не начали обстреливать жилые кварталы словно в случайном порядке. Такую тактику устрашения уже использовали в Луганске. «Принципиально не хочу жить с оккупантами, — объясняет она. — Я их сюда не звала. Меня спасать не нужно». Я спросил, удавалось ли ее дочке хоть чему-то порадоваться за последние дни. «Нам радости [доставляют] санкции и убитые россияне. Я вам серьезно говорю, и для детей тоже», — отвечает Светлана.

* * *

В Киеве я заходил в центр сбора помощи украинской армии, расположившийся в запутанном лабиринте пристроек к Главному военному госпиталю. Надо мной нависали пирамиды из ботинок, курток, консервов, лапши быстрого приготовления, туалетной бумаги, медикаментов. И раз в пару минут что-то приносили еще. Помощь принимала Юлия Нижник-Зайченко, которая училась на визажиста, а с началом войны в Донбассе переключилась на сборы помощи. Ей приходилось стоять у касс продуктовых магазинов и просить покупателей пожертвовать еду и другие товары для фронта. Атмосфера самоорганизации и солидарности сохранилась. «Мы едва справляемся с потоком, — рассказывает она. — Принимаем, отправляем, принимаем, отправляем, принимаем, отправляем — и иногда прячемся в подвал, если срабатывают сирены».

Сбор гуманитарной помощи в Киеве, 28 февраля 2022 года. Фото: Raphael Lafargue / ABACAPRESS.COM / Reuters

Через несколько минут раздался сигнал воздушной тревоги, который ни с чем не спутать. Добровольцы, которые разбирали помощь, спешно спустились в подвал и закрыли стальную дверь. Я сел на диван рядом с Нижник-Зайченко, прислушиваясь к глухим разрывам в отдалении. «Конечно, страшно, — говорит она. — Во время войны на Донбассе нам не нужно было беспокоиться о ракетах и тяжелой артиллерии, которые бы били по городу». К тому времени она уже могла закончить волонтерскую смену, пойти домой, принять душ и выспаться. «А теперь нет такого

спокойного места», — говорит Нижник-Зайченко. Она чувствует, что Киев пустеет: «Страшнее всего представить, что в Киеве будет российская власть, что они подчинят нас и сделают еще одним регионом Российской Федерации. Это единственное, что может заставить меня уехать — если я, конечно, выживу».

После двадцати лет у власти Путин, кажется, допустил чудовищную ошибку в прогнозах. Российское государство, которое он выстроил — это вертикальная машина, далекая от тех, кем она управляет. В Украине же за эти годы сформировалось беспорядочное, но живое гражданское общество с многолетним опытом горизонтальной самоорганизации. Я терялся в догадках, как и почти все, с кем я говорил в Киеве, что именно собирался сделать Путин, даже если ему удалось бы захватить столицу и сместить Зеленского. Неужели он полагал, что люди с этим просто смирятся?

Целеустремленность и солидарность украинцев ярко контрастировала с тем, насколько деморализованы, судя по всему, оказались многие российские солдаты, которых отправили воевать. В допросах пленных россиян часто проскальзывала одна мысль: их командиры не утруждали себя объяснением целей всего происходящего. Возможно, потому что им этого тоже никто не объяснил. Появлялись новости о том, что солдаты бросают свои танки и бронемашины и уходят в леса. На пресс-конференции в Киеве человек, которого представляли как пленного российского офицера, сказал: «Я искренне приношу свои глубочайшие извинения перед всем украинским народом. Хотя осознаю, что на фоне всего ужаса,

который сейчас творится, это ничто. Даже меньше, чем капля в море».

Рекламные щиты по всему Киеву начали обличать российскую армию. «Русский солдат, остановись! Как ты будешь смотреть своим детям в глаза!» — гласил один. Другой призывал: «Не лишай жизни по приказу Путина. Возвращайся домой с чистой совестью». И еще один, уже резко: «Русский военный, иди нахуй!» И хотя адресованы эти призывы были захватчикам, они еще и поднимали дух самим украинцам — и к тому же подчеркивали братоубийственный характер войны. Нечасто так бывает, что страна-агрессор говорит на том же языке и принадлежит к той же культуре, что и обороняющаяся страна.

Шли дни, и солдаты на блокпостах становились менее нервными. В магазины завозили новые запасы еды, очереди почти исчезли. Улицы снова стали убирать, даже мусор начали вывозить. Андрей Грущинский — глава «Киевспецтранса», который занимается сбором городских отходов, говорит, что из тридцати грузовиков компании на улицы вернулись шестнадцать — некоторые стояли на блокпостах, перегораживая основные въезды в город. Главная проблема для начальника: сотрудники уходят в армию или в теробороны. «Мои ребята рвутся в бой, — говорит Грущинский. — Я им говорю, что стоять с автоматом на блокпосте каждый может, а вот мусор убирать — это не для всех».

В то же день я зашел в «Дублер», стильное кафе, которое открыл с партнерами местный архитектор Слава Балбек. Оно довольно долго стояло закрытым, но в этот раз внутри обнаружилась

дюжина молодых людей, которые завтракали за длинным деревянным столом: это Балбек заканчивал встречу с волонтерами. Он превратил кафе в благотворительную кухню и развозил еду на блокпосты тероборонe, в больницы и вообще всем, кто в ней нуждался. «Я сразу пошел в военкомат, но мне сказали, что все забито, — рассказывает 38-летний архитектор, который увлекается триатлоном. — Я подумал: ну ладно, чем еще я могу быть полезен?».
В первые десять дней войны добровольцами записались сто тысяч человек. «Я умею разбираться в трудных ситуациях, и если отставить в сторону непосредственные ужасы войны, посути это ведь организаторская работа. Нужно иметь стальные нервы и холодный рассудок», — рассуждает он.

Балбеку все время звонят: вот хозяин ресторана, у которого есть триста килограммов еды, нужно просто их забрать; вот кто-то, у кого есть тысяча пластиковых контейнеров. В день Балбек и его команда доставляют десять тысяч наборов еды. «В любой организации главное — общая идея, — сказал он. — У нас есть общий враг и необходимость его победить».

* * *

У решения Путина вторгнуться в Украину была извращенная военная логика. Вместе со своим параноидальным силовым аппаратом он решил, что эта страна стала инструментом в руках расширяющего свое влияние Запада. Даже если Украина формально не вступила в НАТО, она получала оружие от стран альянса, а тамошние специалисты занимались подготовкой украинских

военных. Со временем это, возможно, привело бы к фактическому вступлению в НАТО. И если Путин считал опасным размещение американских сил ПВО в Польше и Румынии, то перспектива их присутствия в Украине становилась экзистенциальной угрозой. Лучше нанести удар, пока Россия сохраняет военное превосходство, и силой перекроить украинскую внутреннюю и внешнюю политику так, чтобы соблюдались, в его понимании, российские интересы безопасности.

Но в мировоззрении Путина была еще и толика исторического мессианства, псевдофилософские корни которого уходили куда глубже простой обеспокоенности военной угрозой со стороны Запада. В июле он опубликовал пространную статью «Об историческом единстве русских и украинцев», в которой провозгласил русских и украинцев «одним народом», но с четкой иерархией: законное место Украины — под имперской защитой России, в то время как Запад пытается перетянуть ее к себе и в политическом плане, и в военном, и в культурном. «Убежден, что подлинная суверенность Украины возможна именно в партнерстве с Россией», — писал он. Нужно действовать немедленно: объединить два народа, как им и было предначертано. Только в этом случае Путину удалось бы не дать Украине стать бесповоротно европейской или, что еще более важно, *украинской.* Случись такое, и будет поздно — России и впрямь придется оккупировать чужую страну.

Беспорядочные бомбардировки украинских городов, как и следовало ожидать, привели к обратному эффекту. По жилым районам Харькова били кассетными бомбами, и люди гибли по

дороге в магазины. На Чернигов российский самолет сбросил неуправляемые бомбы — в том числе 500-килограммовые, — погибли как минимум 47 человек. 9 марта в ходе авианалета на Мариуполь, город с преимущественно русскоязычным населением, был нанесен удар по родильному отделению одной из местных больниц, и роженицам пришлось выбираться из горящих развалин. «Чудовищная жестокость, — говорит Андрей Загороднюк. — Они хотят посеять панику и ужас, деморализовать население и сломить волю к сопротивлению. Но с украинцами у них ничего не получится».

Разрушенный дом в Чернигове, 16 апреля 2022 года. Фото: Piero Cruciatti / Reuters

Вопрос в том, как долго еще Путин сможет продолжать свою военную кампанию. Несмотря на неэффективность и откровенную неразбериху первых двух недель, Россия с годовым бюджетом на армию, который в семь с лишним раз больше украинского, на бумаге обладает ощутимым превосходством. Украина, в свою очередь, потеряв позиции на юге и востоке страны, сумела остановить основные силы российского вторжения. С одной стороны, она опиралась на закаленную в боях с 2014 года армию, а также противотанковое и противовоздушное вооружение с Запада; с другой — и это, наверное, не менее важно, — на моральную обязанность оттеснить вторгшиеся войска.

Дух сопротивления воплотил сам президент страны. До войны положение Зеленского было тяжелым. Он не мог победить коррупцию и неэффективность власти, положить конец конфликту на востоке, и это сказывалось на его популярности. Но как только война началась, он, пользуясь своим актерским опытом, сумел ухватить национальный дух и подняться почти до мифологического уровня. В серии коротких и дерзких обращений, которые быстро разошлись по соцсетям, он предстал в очень доступном образе — небритым, в темно-зеленой футболке и спортивной куртке, со стулом в руках перед пресс-конференцией — и спокойно-героическим. Пока Россия вела на него охоту (были сведения как минимум о трех неудачных попытках его убить), его присутствие в столице оставляло ощущение такой отваги, на которую явно не рассчитывал Путин.

Одно из популярных видео начиналось с плана ночного Киева. Потом в кадр заходил Зеленский: он шел по коридору в свой кабинет, показывая, что остается в столице и продолжает работать. «Я не прячусь, и я никого не боюсь», — сказал он. На следующее утро он вышел на улицу-, чтобы насладиться первыми днями весны: «Все будет нормально. Всех победим». По мере того, как ситуация становилась все более и более мрачной, ожесточался и сам Зеленский. «Мы накажем каждого, кто совершил зверства на этой войне. На нашей земле. Найдем каждую сволочь. Которая стреляла по нашим городам. По нашим людям. Которая бомбила нашу землю. Которая запускала ракеты, — сказал он 6 марта. — Вам не будет ни одного тихого места на этой земле. Кроме могилы».

Видео на YouTube

YouTube

Ukraine President Zelensky welcomes Spring in Kyiv

@news.com.au

https://www.youtube.com/watch?v=M-x-ujiB-oE

Однажды я поехал на пост тероборонs в правительственном квартале Киева, где вдоль вымощенных брусчаткой улочек стоят здания парламента и президентского офиса. Когда мы подъехали, группа бойцов выстроилась около машины полукругом с автоматами наперевес.

В официальном здании неподалеку, в зале с колоннами и тяжелыми шторами меня встретил

командир поста по имени Евгений. Хрупкого телосложения, с седеющей бородой и с энергией человека, который не понаслышке знает, каково это — воевать. Родом Евгений из российского Майкопа. Его первой войной был Афганистан, где он служил по призыву. Два десятилетия спустя он переехал в Киев и работал в строительстве. Когда начался конфликт в Донбассе, он вступил в проукраинский батальон — он это называет своей второй войной. С 2015 года он работал советником в министерстве обороны и курировал гуманитарные программы, в том числе обмен пленными. На второй день российского вторжения он взял свой автомат, позвал несколько ветеранов боевых действий, а также близких по духу друзей и знакомых, своего зятя, и они сформировали отряд теробороны — его третья война.

Евгений говорит, что воевать за Украину ему захотелось после протестов на Майдане в 2014 году, в результате которых был свергнут пророссийский президент Виктор Янукович. «Наверное 2004–2005 год —маленькие ростки свободы были, а в 2013–2014 году люди почувствовали, что они свободны, именно освобождение. Как рождение цыпленка из кожуры, выходит и становится уже птицей», — говорит он. А затем продолжает: «А в России [за это время] ничего не родилось». И в головах почти ничего не поменялось: «Как скажет барин, так и будет».

В правительственном квартале особых боев не было. Каждый день приходили новости о российских наемниках или чеченских боевиках, которых якобы отправляли штурмовать Киев и убивать Зеленского, но было трудно понять, где правда, а где — информационная война. «На данный момент

здесь очень спокойно, — поясняет Евгений, пока здание потряхивает от отдаленной артиллерийской канонады. — Дальше может быть очень неспокойно». Он говорит об участии их отряда в охране Зеленского, наряду с другими целями: «Президент — это символ страны. Мы его защищаем. А в конечном итоге с символом страны, со знаменем, мы защищаем всю Украину».

Евгений верит, что украинцам удалось сохранить определенное преимущество. «Мы воюем, а за нами — наши жены, дочери, сыновья, — говорит он. — А у них — никого». Это звучит излишне оптимистично, но Евгений вспоминает свое детство на Кавказе: «Сколько бы мы ни ругали россиян, у них все равно понятия человеческие. [Солдат] смотрит и видит, что люди — старики, женщины, дети — выходят и перекрывают [улицы захваченных городов], он их не душит, это внутри сидит человеческое. Иногда останавливаются. может, некоторые из них остановятся и задумаются. Может, некоторые даже развернутся и уйдут».

* * *

В последующие дни наступление России только ожесточалось, под ударами все чаще оказывались гражданские объекты. Если быстро победить украинскую армию не получается, значит, народ будет страдать. В Харькове кампания сразу приобрела черты карательной — вероятно, Кремль предполагал, что это город в 50 километрах от российской границы не станет сопротивляться российской интервенции,

— и это должно было стать предупреждением для Киева. Смотрите, что будет, если вы не сдадитесь.

Херсон, стратегически важный порт на Черном море, стал первым украинским городом, который пал под натиском российской армии. Там ввели комендантский час и перекрыли поставки еды и других товаров из остальной Украины. Житель Херсона, который пожелал остаться неназванным, рассказывает, что грузовики с гуманитарной помощью приходили из Краснодара: «Они думали, что мы набросимся на их консервы, но никто не пришел». На центральной площади Херсона регулярно устраивали многотысячные проукраинские демонстрации, люди кричали «Уходите домой, пока живы!» и «Позор!». Российские войска стреляли в воздух, чтобы разогнать толпу, но по большей части просто наблюдали в тревожном молчании. «Как только началась война, даже те, кто испытывал симпатию к России, переключились на чистую агрессию, — рассказывает местный журналист Константин Рыженко. — Сейчас просто нет сценария, при котором Херсон добровольно войдет в состав России. Они думали, что мы будем на все согласны. Но теперь, поняв, что это невозможно, они не знают, что делать».

Митинг против оккупации города российскими военными в Херсоне, 20 марта 2022 года. Фото: Reuters

С начала войны из сорока с лишним миллионов жителей Украины больше двух миллионов[4]

покинули страну. Этот исход называли второй по скорости европейской миграцией со времен Второй мировой войны. В начале марта на центральном железнодорожном вокзале Киева у табло толпились семьи, которые искали возможность уехать — куда угодно. Плакали дети, их изможденные родители кричали друг на друга. Железнодорожная служба организовала эвакуацию на запад, отдавая приоритет женщинам и детям. Каждый раз, когда с платформы отходил поезд, образовывалась толпа, которая ждала, когда откроются двери. Люди пропихивались внутрь, зачастую не зная, куда именно идет поезд. Одна женщина рассказала мне, что ехала в четырехместном купе с 25 другими пассажирами.

Я уехал из Киева на машине и объездными дорогами добрался до Львова, самого большого города на западе Украины, который стал перевалочным пунктом для беженцев со всей страны. Главное шоссе было настолько забито машинами, что команда журналистов *New York Times* застряла в пути, и им пришлось ночевать в деревенском детском саду. Из Львова многие семьи стремятся к польской границе, это 60 километров. Чтобы ее пересечь, уходит несколько дней, и люди спят прямо в машинах, припаркованных у обочины.

Жительница Счастья Галина Калинина тоже оказалась во Львове. Когда я добрался до города, я пошел повидаться с ней в центре сбора помощи, где она волонтерила. Координатор центра, ландшафтный дизайнер Мария Богомолова, рассказывает о семье, которая только что прибыла из Ирпени, пригорода Киева, где российские войска разбомбили мост, по которому

эвакуировались мирные жители. Четыре человека погибли. Семья несколько дней провела в бомбоубежище. Пятилетний мальчик приехал без носков. «Они приехали в той же одежде, в которой бежали», — говорит Богомолова. Мальчик перестал разговаривать.

Когда я к ней подошел, Калинина разбирала зимние куртки. Она говорит, что в первое утро войны, когда по всей Украине падали ракеты, под ударом оказалось и Счастье: «Я проснулась от обстрелов, пулеметных очередей, "Градов" — они». Она была готова к эвакуации, собрала сумку. К восьми утра она вместе с подругой уже была в дороге, но ее муж не хотел уезжать: «Он сказал, что ему нравится дома, что все будет нормально. Я ему говорю: "Как это может быть нормальным?"».

Калинина собиралась доехать до Харькова, где живут ее сын и дочь, но потом услышала, что город под обстрелами, к нему движутся российские танки. Они с подругой поехали дальше, в Киев. Наконец Калининой удалось связаться с сыном. Его дом попал под удар, квартира разрушена, но сам он спасся в бомбоубежище. Киев тоже был под обстрелами. «Мы довольно быстро поняли, что там тоже небезопасно — бомбы, бомбы, бомбы», — говорит она. В итоге они оказались во Львове, где Калинина смогла найти волонтерскую работу: «Лучше, чем сидеть, сложа руки, читать новости и сходить с ума».

Телефонная связь в Счастье пропала за несколько дней до нашей встречи, и она никак не может связаться с мужем. Приехав во Львов, она пошла постричься и начала плакать прямо в парикмахерском

кресле. «Я плакала по Счастью, и по мужу, и по жизни, которая у меня была, — говорит женщина. — У меня есть мечта: вернуться в Счастье на танке, размахивая украинским флагом». И после паузы добавляет: «Но я понимаю, что это довольно радужные ожидания».

Звоню Сергею Гайдаю, главе Луганской области, который говорит, что российские войска продвинулись до окраин Северодонецка и обстреливают его при помощи артиллерии. Разрушена крыша детского сада. «Счастья, каким вы его видели, больше нет». Повреждены или уничтожены восемьдесят процентов зданий. «Город оккупирован».

Война снова разделила Счастье. Главу военно-гражданской администрации Дунца опять призвали в армию, он сражается в 128-й бригаде украинской армии. Его заместитель Тюрин остался в городе, хоть и под другим флагом. Гайдай говорит, что ему звонили из ФСБ, предлагали перейти на российскую сторону. «Я их послал нахуй», — ответил чиновник.

Обновлено в 18:00. *Цитаты Светланы и Евгения уточнены по оригинальной расшифровке; обновлен заголовок.*

Автор: Джошуа Яффа

Оригинал: *What the Russian Invasion Has Done to Ukraine; The New Yorker, March 12, 2022.*

Перевод: Мика Голубовский

Translated with permission from The New Yorker.

1. Сокращение от украинского «Охрана материнства и детства».

2. Отряды ЛНР заняли Счастье в первые дни после начала совместного с российскими войсками наступления.

3. Так называют местных жителей, которые помогают журналистам связаться с нужными людьми и организовать перемещения по незнакомому городу.

4. К моменту публикации — свыше пяти миллионов.